

НИКОЛАЙ
РЫЖКОВ



премьер

проект 2017 – миф или реальность?

Политические тайны XXI века

Николай Рыжков

**Премьер. Проект 2017
– миф или реальность?**

«Алисторус»

2011

Рыжков Н. И.

Премьер. Проект 2017 – миф или реальность? / Н. И. Рыжков — «Алисторус», 2011 — (Политические тайны XXI века)

Что позволило экономике СССР, несмотря на громадные потери в первые годы Великой Отечественной войны, выдержать противостояние с экономикой гитлеровской Германии, на которую, к тому же, работала вся Европа?

В чем была причина такого невероятного запаса прочности Советского Союза? В тайне могучего советского проекта, считает автор этой книги – Николай Иванович Рыжков, председатель Совета Министров СССР в 1985–1990 гг. Успешные проекты, по мнению Рыжкова, не могут безвозвратно кануть в Лету. Чем ближе столетие Великой Октябрьской социалистической революции, тем больше вероятности, что советский проект, или Проект 2017, снова может стать актуальным.

Содержание

Вступление	5
Глава 1	8
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Николай Иванович Рыжков

Премьер. Проект 2017

– миф или реальность?

Вступление

Судьба человека непредсказуема даже в мелочах, из суммы переплетений которых она и складывается...

Год 1991-й. Нынче все для меня стало совсем иным. До сих пор не могу привыкнуть к простой мысли. Я – Председатель Совета Министров СССР в отставке, член Политбюро ЦК КПСС – тоже бывший... Завтрак, обед и ужин. Газеты, телевизор, книги. Читать, верно, стал много больше, нежели прежде. На столе книги философов, историков и экономистов, поэтов и прозаиков – современных и классиков, толстые журналы. Прогулки по лесу – тоже плюс, раньше только и дышал воздухом совминовских заседаний... Не очень частая радость общения с внуками: они – в Москве, мы с женой – за городом, лишь по выходным дням и видимся...

Теперь меня обволакивает непривычная тишина, от которой я за многие годы отвык. Она – во всем. Замолкли телефоны, исчез куда-то известный многим «рыжковский» поминутный распорядок дня, остались в прошлом бесконечные встречи, совещания и заседания. Немыслимо бурная деятельность вышла из жизни, как воздух из шарика. Некоторые из моих коллег и друзей врываются в эту тишину, они по-прежнему ищут совета, интересуются моим мнением о каждодневных событиях, просто по-человечески поддерживают своего премьера в не самую лучшую для него пору. Другие с оглядкой передают приветы и добрые пожелания – экс-премьер-то опальный... Очень немногие, но все-таки нашлись и такие, которые демонстративно прервали всякие контакты и начали жаловаться журналистам, как я был несправедлив к ним и как их спасал от меня Горбачев...

Надо было привыкнуть к новому ритму, какого не было никогда, с самых юношеских лет. Пришло время для осмысления собственной жизни, особенно тех лет, когда я возглавлял Правительство. Отдавать на суд общественности свои размышления через газеты и телевидение не хотел – слишком еще кровоточили раны, нанесенные ими в последний год моего премьерства. Поэтому мысли, анализ пережитого оставались в кругу семьи, близких друзей.

Проходят в памяти чередой отдельные эпизоды моей деятельности, а затем невольно думаешь и о том, насколько и как именно сказалась она на судьбах страны, что удалось сделать самому, вместе с моими соратниками, чего добиться не удалось, что радует душу и что ее огорчает... Ведь, казалось бы, даже частные порой решения становились потом немаловажными звеньями в цепи общего дела...

18 августа 1991 года (дата навсегда в память врезалась) в не слишком жаркое для конца лета воскресенье приехали двое давних и добрых знакомых, читаемых и уважаемых мною писателей. Сидели на веранде, пили чай или что покрепче, не суть важно, говорили, вспоминали, рассказывали. Гости – люди хотя и любопытные, но тактичные: с назойливыми вопросами не приставали, «государственных тайн» из меня не тянули. В какой-то момент разговор зашел о некоторых моих бывших коллегах по «коридорам власти». Бывшие члены Политбюро, велеречивые депутаты, крутые мэры, даже «первая леди государства» прямотаки завалили своими книгами магазинные прилавки и бесчисленные лотки у станций метро. Все спешили поведать миру свои мысли о сначала буксовавшей, а к тому времени уже агонизировавшей из последних сил перестройке.

– А вы, как всегда, помалкиваете, – упрекнул меня один из собеседников.

– Сказать нечего. Помните, у Новеллы Матвеевой: «Все сказано на свете, несказанного нет...» – отшутился я. Но серьезно настроенные гости шутки не приняли.

– А в декабре прошлого года, выходит, было что?

Вопрос прозвучал не без явного укора. Действительно, в декабре 1990 года на Четвертом съезде народных депутатов СССР состоялось последнее мое официальное выступление. В нем, в частности, было сказано:

«Я просто не имею права молчать, так как наряду с другими членами политического и государственного руководства несу огромную ответственность за все происходящее в стране. Потому говорить буду с предельной откровенностью в расчете на то, что наши соображения, оценки, видение выхода из создавшейся ситуации будут в какой-то мере полезны.

Начну с того, что перестройку в том виде – я подчеркиваю это, – в котором она замышлялась, осуществить не удалось. Являясь одним из ее инициаторов, считаю себя, безусловно, ответственным за это.

И если бы правительственный кризис, смена Кабинета могла бы исправить ситуацию, то Правительство подало бы в отставку еще в мае этого года. Но все намного серьезнее. Те политические силы, которые развернули против Правительства «необъявленную войну», имеют далеко идущие цели. И эти цели прямо вытекают из подмены сути начатых нами преобразований.

И как не сводилась эта война в мае текущего года к сбросу Правительства, так сегодня она не сводится к войне с Президентом, Верховным Советом и Съездом народных депутатов СССР. Ее главная цель – нанести *удар* (Курсив мой. – Авт.) по государству, по общественно-политическому строю, сломать его окончательно.

Картой в этой игре становится уже не только Советский Союз в целом, но и многие республики, как большие, так и малые, государственность и общественный строй которых также оказались под самой серьезной угрозой.

В такой ситуации я не могу ограничиться только констатацией срыва преобразовательного процесса. Здесь необходим безжалостный анализ не частных, не деталей, а всего комплекса причин этого срыва...»

Дальше цитировать не стану, и так затянул. Выступление опубликовано во многих газетах 20 декабря 1990 года. Мне же – как и тому из моих знакомых, кто сердито упрекнул меня в нежелании писать воспоминания, – важна лишь горькая констатация факта: перестройка не удалась. Тогда, в декабре, она уже практически замерла, и требовалось совсем немного, чтобы она была добита окончательно, ушла в историю, стала предметом диссертаций будущих обществоведов-политологов.

Поднимаясь на трибуну Кремлевского дворца съездов, я знал, что это будет мое прощальное выступление. Готовился к нему долго и тщательно. Это было своего рода «политическое завещание» последнего Председателя Совета Министров Советского Союза.

На Съезде я сказал о том, что наболело. Пусть кратко, пусть скороговоркой, но сказал. Камень бросил в пруд, но даже круги не появились: моя боль за судьбу страны, предостережения депутатов не затронули. Другие заботы их одолевали – все делалось так, как назойливо и громко требовали от Президента и Верховного Совета те, кто развязал эту «необъявленную войну». Тогда их ближайшей мишенью стал Председатель Совмина. До самого Президента, до Верховного Совета, до депутатов руки еще не дошли. Или время не пришло...

Ну так что еще нужно вспоминать? Что писать? Кому интересны подробности пусть даже революционного процесса, начатого, к слову, отнюдь не в 85-м, не Горбачевым, как принято считать официально, а раньше, еще в 83-м – с приходом к власти Андропова? Никому сейчас это не интересно, думал я, да и год 91-й бурлит не менее активно, чем его предшественник. Была и другая причина. Я считал, что мои размышления еще не отстоялись, что для этого тре-

буется время. Вот почему я отбивался от лестных предложений издательств, то и дело подвигавших меня к «писательству»...

Уже под вечер, затемно провожал гостей к калитке.

– Кто у вас в соседях? – спросил один из них, кивая на высокий зеленый забор.

– Вице-президент, – ответил я.

– Случайный он на этом посту человек, – отреагировал гость, – еще по комсомолу его знаю.

– Президенту виднее, – дипломатично сказал я. – Вдруг да он еще покажет себя?

На том и расстались. Они уехали, а я остался один на один со своими сомнениями: писать – не писать, писать – не писать... Прочитывая хорошую поэтессу, я не закончил ее мысль: «...но вечно людям светит несказанного свет». Вот ведь как бывает: малое совсем событие, визит добрых гостей, а вновь душу разбередило, бессонную ночь уготовило. И правда: сколько же несказанного накопил я за минувшие, бешено промчавшиеся годы!

А в понедельник, включив утром телевизор, я знал о том, что мой сосед и впрямь «показал себя»...

Я не собираюсь писать об августовских событиях и их участниках, кое-кого из которых хорошо знал. Подробности этих дней известны мне в той же мере и из тех же источников, что и всем моим читателям: телевидение, радио, газеты. И говорю здесь об августе 91-го, во-первых, потому, что он стал вехой, которая отмерила начало смертного финала перестройки. А во-вторых, потому, что, обозначив собой ее скорую кончину, он, этот август, стал для меня тем самым толчком, который усадил за письменный стол. Надо было уложить на бумагу до тех пор несказанное об очень коротком – в масштабе истории страны – и очень длинном – в масштабе моей личной судьбы – периоде перестройки. Я должен был оставить свидетельство того, что она и для страны, и для меня лично превратилась в цепь больших и малых предательств.

Каких?

Чего и кого?

Когда?

Кем?

О том и поведу речь. Чтобы История и мое свидетельство в расчет приняла. В своем последнем выступлении на Съезде я ведь только сказал о необходимости безжалостного анализа причин взлета и падения недолговечной перестройки, но, конечно, не мог тогда же сделать его. И никто пока такого анализа не дал, на мой взгляд. Не хочу чувствовать вину за свое молчание – перед страной и перед собственными внуками, которые растут сегодня в мире с перевернутой логикой. А им, тем не менее, расти. И завтра, когда История заговорит, они меня спросят, если доживу: а что ж ты молчал, дед?

Что я им тогда отвечу? От такого серьезного вопроса шуткой не отделаешься.

Вот почему я и решился, сел за письменный стол, пододвинул к себе стопку чистых листов бумаги, взял ручку и сам себя благословил на этот труд.

Глава 1

В душевной атмосфере лицемерия

Сначала надо было выжить. Выжить, выкарабкаться на поверхность жизни из черной инфарктной пустоты. Как первый шаг, хотя бы преодолеть немощность, ощутить себя – распятого на больничной койке: в правой руке – игла капельницы, в левой – еще что-то столь же «приятное», голову от подушки не оторвать. Лежишь неподвижно, полностью отключенный от мира, как потом, по его уверениям, Президент страны в райском своем Форосе: телефон, радио, телевизор – все молчит. А врачи и медсестры, будто поддерживая некий заговор, твердят только одно: вам нельзя волноваться, вам нужен полный покой.

Несколько месяцев спустя, когда мне пришлось включиться в скоростную предвыборную гонку в числе кандидатов в президенты России, в некоторых очень демократических газетах высказывалось этакое трамвайное любопытство: а был ли у Рыжкова инфаркт? Смотрите, как он в телевизоре выглядит, каждый день выступает, по стране ездит! Приводились даже письма опытных инфарктников, где гневно утверждалось: мол, я три года назад инфаркт перенес и до сих пор недомогаю, а этот... И лишь остатки элементарной вежливости, сильно подрубленной эпохой гласности, понятой многими журналистами, и не только ими, как вседозволенность, не давали заклеить окончательно: симулянт Рыжков!

Неужели виноват, что выжил, выздоровел, постарался забыть о болезни? Почему так получилось – о том проще врачей спросить. Можно было бы, конечно, привести здесь больницу историю моего недуга, кардиограммы, анализы, да, боюсь, не каждому, мягко говоря, интересно будет.

Скажу лишь, что в первые дни плохо было, непривычно плохо и даже страшновато: может быть, потому, что за всю жизнь ничем не болел, кроме гриппа, и никогда не знал состояния боли и неподвижности. Оттого безоговорочно и слушался врачей. Не сопротивляясь, вступил в их «заговор»: даже с женой – а она с самого начала моего заточения прорывалась ко мне, пусть хоть на десять минут вначале, – даже с ней никаких серьезных проблем не обсуждали.

В общем, после первых, особенно тяжелых дней врачи твердо пообещали: через месяц вы из больницы сами уйдете. Поверил – и действительно через месяц ушел, навсегда унося в душе безмерную благодарность всем, кто знаниями, опытом, заботой, человечностью своей вернул меня к жизни. Был, вместе с тем, по моему глубокому убеждению, и еще один фактор моего выздоровления – сумасшедшая и прекрасная четверть века на заводе, на сумасшедшем и прекрасном Уралмаше моем, закалившем меня крепко и навсегда. Болеть было некогда, вот и не научился этому...

Пожалуй, не стоило бы уделять моей болезни столько внимания, но, к сожалению, это несвежее дежурное блюдо время от времени подается и сейчас в нужный кому-то момент. А в дни моего выздоровления жена приносила в больницу письма и телеграммы – доброжелательные и трогательные. Из всех уголков Советского Союза писали люди – молодые и пожилые, знакомые и незнакомые, горожане и селяне, школьники и студенты. А адрес в основном был написан так: Москва, Кремль; Москва, клиническая больница или просто – Москва, Рыжкову Николаю Ивановичу. Бережно храню тысячи таких телеграмм и писем. Они очень помогли мне в самый, наверное, трудный период жизни.

В больницу я попал в ночь на 26 декабря, а спустя две недели, 10 января 91-го года, в палату зашел главврач и, словно зондируя, спросил осторожно:

– Михаил Сергеевич звонил, интересовался: когда он вас может навестить?

Любопытная постановка вопроса! Раньше, помнится, такой предупредительности Михаил Сергеевич не проявлял...

– Не я здесь хозяин, – ответил. – Вам решать: может ли и когда может...

А про себя подумал: чем скорее, тем лучше. Искренне считал: и для него, и для меня предстоящий разговор – тягостная, но неизбежная необходимость.

Горбачев приехал в субботу, 12-го, часам к пяти вечера. Тогда я уже самостоятельно передвигался по палате, но все средства связи с миром по-прежнему замыкались для меня на жене, которой, правда, позволялось сидеть со мной теперь по целому часу в день. Так что это был первый визит из «большого мира», и я надеялся узнать от Президента немало важных новостей. Горбачев, вообще человек сентиментальный, этого качества своего не скрывающий, в тот вечер, увидев меня, растрогался и даже расстроился. Ничего удивительного: я и сам, когда стал бриться по утрам, ежедневно наблюдал в зеркале страшноватенького, мягко говоря, субъекта, исхудавшего, зеленого...

На следующий день в газетах появилось официальное сообщение, что Горбачев «нашел Николая Ивановича окрепшим. Между ними состоялась беседа о текущих делах, которыми живут страна, общество. Михаил Сергеевич пожелал Н. И. Рыжкову скорейшего выздоровления и передал сердечный привет от товарищей по работе. Н. И. Рыжков поблагодарил за внимание и дружескую поддержку, просил передать наилучшие пожелания всем, кто справлялся о его здоровье».

Горбачев явился в больницу прямо из Кремля, с нелегкого, по-видимому, заседания Совета Федерации: новый год с его все более ощутимой опасностью трагического развития событий в стране уже начался, а она явно не была к ним готова.

Сказал устало:

– Даже пообедать не успел. Перекусить у тебя есть чем?

Принесли чай, бутерброды – обеденное время в больнице давно минуло.

После дежурных расспросов о моем здоровье Горбачев перешел к вопросу, только ради которого, думаю, он и хотел меня увидеть в этот день. Никакого обсуждения текущих дел, «которыми живут страна, общество», вопреки сообщению в прессе, не было. Нет, этот летучий вроде бы совет был для него, судя по ходу беседы, простой и необременительной данью уже умершему сорабничеству, данью вежливости – для общественного мнения, прежде всего. Основная же цель его прихода ко мне состояла в том, чтобы получить подтверждение с моей стороны отказа возглавить новый орган – Кабинет Министров при Президенте, и он это подтверждение получил: я еще раз заявил о своем уходе с поста главы Правительства. Думаю, что именно такое решение обрадовало и его, и многих членов Совета Федерации, тех, которые потом сыграли в жизни страны поистине роковую роль.

Конечно, это окончательное решение далось мне не легко. И вызвано оно было не только и не столько болезнью, сколько все более отчетливым пониманием того, что политика Президента – Генерального секретаря ЦК КПСС, в том числе по отношению к исполнительной власти, недальновидна и губительна для страны.

Ведь развал в ней набирал силу, в первую очередь удар наносился именно по высшей общегосударственной исполнительной власти, которая стояла на пути тотального разрушения. Я имею в виду похороны Совета Министров СССР и явление на свет нового образования с резко суженными функциями и полномочиями – Кабинета Министров, непосредственно подчиненного Президенту. Политическая карусель уже настолько закрутила Генсека, что он искал любую соломинку для своего спасения. К тому же и руководителям многих республик не нужен был Рыжков – с его взглядами и действиями, с его позицией сохранения единой страны, с его самостоятельностью. Карманный Кабинет Министров был «освящен» измененной в декабре Конституцией, а теперь нужен был и его руководитель, которому они могли диктовать свои условия, не сообразуясь с интересами Великой Державы, какой был СССР.

В этих условиях нести ответственность перед народом, страной, историей, перед своей совестью за явно ошибочную политику, которой ты не можешь противостоять, которую не можешь изменить, – нет уж, увольте.

– Раз ты принял такое решение, хочу посоветоваться с тобой о кандидатуре на пост Председателя Кабинета, – сказал Горбачев доверительно, как он всегда умел. – Что ты, к примеру, думаешь о Маслюкове?

О Маслюкове, своем первом заместителе в Совмине, я думал хорошо, верил ему, о чем и сообщил Горбачеву. Хотя знал, что сам Маслюков отнюдь не рвется на должность Председателя, не принимая, как и я, поспешной реорганизации исполнительной власти. Уже после выяснилось – вопрос о Маслюкове задан был для профформы. Горбачев знал о его нежелании возглавить Кабинет.

Вторым Горбачев назвал Олега Бакланова, секретаря ЦК КПСС, тогда малоизвестного широкой публике. Ему еще только предстояло выйти на люди: до 19 августа оставалось семь месяцев...

В отличие от широкой публики Бакланова я знал неплохо, почему и ответил сразу и однозначно:

– Абсолютно неприемлемая кандидатура на этот пост!

Он, как говорится, технарь, причем с весьма специфическим уклоном: космос, около-космические дела – и все. А глава Кабинета Министров худо-бедно должен быть политиком и экономистом широкого профиля. И знать страну, ее проблемы. Все проблемы, а не только космические... Интересно, кто его выдвигает?

– Есть люди... – ушел от ответа Горбачев. – А что насчет Павлова?

Министра финансов Павлова я знал давно, работал с ним еще в Госплане СССР, где был первым зампредом у Николая Константиновича Байбакова, а Павлов занимал должность начальника отдела. Потом он был в Минфине, Комитете по ценам, снова в Министерстве финансов – уже в качестве министра. Как финансист он неплохо разбирался в своем деле, но промышленности, производства не знал совсем, не смог бы вести диалог с производственниками. Ну хотя бы с шахтерами (что, кстати, вскоре и подтвердилось на практике).

Я не собираюсь анализировать деятельность Кабинета Павлова при Президенте Горбачеве. Скажу лишь, что этот Кабинет работал в продолжающей быстро осложняться политической обстановке. Центробежные силы, во главе которых находились руководители России и Украины, разрушали единую страну, и в первую очередь ее экономику. В такой обстановке нужно было проводить государственную политику максимально взвешенно. А тут – скоропалительный и крайне сомнительный по своим результатам обмен денежных купюр, а затем – и августовские дни 91-го...

Жесткое политическое противостояние не могло не сказаться, по-видимому, и на сплоченности членов Правительства. Вспомните, например, как один «демократический» министр Н. Воронцов аккуратно зафиксировал все выступления на известном августовском заседании Кабинета, чтобы потом низжайше преподнести их Ельцину. Вспомните твердый голос и указующий перст того на заседании парламента России: «Читайте, Михаил Сергеевич, что говорят ваши министры, читайте!» И Президент Советского Союза (!), как послушный ученик, читал.

А потом был позор в Верховном Совете СССР, на котором Горбачев просто сдал весь свой семимесячный Кабинет Министров. Но это всего лишь небольшое отступление...

– Ну ладно, – Горбачев встал, прощаясь, – еще будем думать, советоваться. Вопрос серьезный. А ты, – он всех вокруг называл на «ты», а все вокруг называли его на «вы». Я никогда не мог ни понять, ни объяснить такую односторонне «демократическую» манеру общения. – ...а ты выздоравливай. Ждем тебя. Нам еще работать и работать.

Горбачев ушел, я остался. Думал: 25-го меня обещают выписать, выйду из больницы – окончательно взвесим, кому сдавать дела, кто действительно сможет повести страну в тяже-

лейших условиях подготовки нового Союзного договора. Жаль, конечно, что это будет кто-то другой. Ведь за плечами у меня было пять беспокойных и сложных лет премьерства. Это были годы, когда одновременно с нелегкой ношей по управлению повседневной жизнью государства разрабатывались и проводились реформы в экономике, осуществлялась демократизация общества. Но я ведь сам много раньше, чем до болезни, сказал Горбачеву, что не стану возглавлять этот Кабинет: не могу согласиться с проводимой Президентом и руководителями некоторых союзных республик экономической политикой и ориентацией на разрушение Союза. Сказал тогда так, он же ничего не возразил.

А разговор в больнице, поставив окончательную точку в вопросе о моем участии в новом Правительстве, вместе с тем предполагал, что обсуждение кандидатуры моего преемника будет продолжено. К тому же я смогу по-человечески попрощаться с коллегами, с теми, с кем шел эти годы вместе. Но не тут-то было: жизнь быстро напомнила мне, что у Горбачева слова – это одно, а дела слишком часто, в большом и малом, – совсем другое, порой прямо противоположное.

Буквально через день, в понедельник, 14 января, больничная изоляция от внешнего мира неожиданно была прорвана звонками наконец-то включенного телефона. То ли от кого-то из позвонивших, то ли от врача или медсестры – уж и не помню сегодня – я услышал удивленное: вы знаете, что Павлова утвердили Председателем Кабинета Министров?

Удивленное и, признаюсь, удивившее. «Серьезный вопрос», оказывается, долгих обсуждений и решений не потребовал. Между субботним вечерним визитом ко мне Президента и утренним понедельничным утверждением на сессии нового премьера лег всего один выходной день.

У меня уже тогда возникло предположение, что и в субботу вечером Горбачев отлично знал, кто возглавит Кабинет Министров, а «совет» со мной был всего лишь привычной для него формой поведения. И действительно, какое-то время спустя выяснилось, что решение о назначении Павлова Президент не только принял, но и согласовал с ним чуть ли не за три недели до своего визита ко мне.

И возвращаясь потом не раз в своих мыслях к этому эпизоду, я все больше приходил к убеждению, что его совет со мной был в лучшем случае формальной данью вежливости, а то и просто сценой из очередной постановки в «театре для себя», в котором он пытается играть главную и единственную роль до сих пор.

Как бы то ни было, но Президент свою излюбленную роль в очередной раз в тот вечер сыграл, но мне-то вся эта душеспасительная театральность была ни к чему: я для себя все решил еще в ноябре 90-го...

14 ноября, ровно за два месяца до описываемого понедельника, в Кремле открылась очередная сессия Верховного Совета СССР. Она тоже оказалась достаточно «черной» и для Президента, и для возглавлявшегося тогда мной Совета Министров, и для самих депутатов. Они наконец сообразили, что в процессе своей законотворческой деятельности попросту проговорили, проболтали, протрезвонили ситуацию в стране.

Пребывая в эйфории в связи с установившимся верховенством в стране Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР и видя корень зла в исполнительной власти в лице Совета Министров, которую они всячески и нередко безосновательно поносили, парламентарии вряд ли до конца понимали, что тем самым разрушали основы устойчивости функционирования государства. Впрочем, во многом это делалось сознательно и не являлось результатом ошибок и заблуждений. Искусственно насаждаемый плюрализм мнений, попавший на неподготовленную почву, позволил безнаказанно расшатывать устои государства. Агрессивное меньшинство депутатского корпуса, за спиной которого стояли известные стране режиссеры из Межрегиональной группы, а у них, в свою очередь, были отечественные, а главное – зарубежные кукловоды, наверняка свои, настойчиво и целенаправленно вело работу по изменению существующего общественного строя, устранению тогдашнего руководства и в первую очередь

– Правительства Рыжкова. Огонь велся на поражение. Это была все более откровенная борьба за власть, которая увлекла и многих здравомыслящих депутатов. К сожалению, руководство страны, в том числе и Совет Министров, не сумело убедить их в пагубности этих действий, мирилось с ними.

Не стану напоминать подробно о ходе этого заседания, о действительно горьких и недоуменных высказываниях депутатов... Поделюсь лишь моим собственным впечатлением. Именно 14 ноября я и определил бы как день кризиса власти вообще.

Здесь, однако, стоит сделать, по крайней мере, три замечания.

Первое: конечно, всякий кризис власти есть процесс, постепенно созревающий и в «день Х» лишь становящийся особенно очевидным.

Второе: при всех различиях в функциях законодательной, исполнительной и судебной ветвей государственной власти их практическая деятельность так тесно переплетена, что ослабление одной из них неизбежно влечет за собой рано или поздно ослабление двух других. Этой закономерности ни Съезд, ни Верховный Совет, ни их руководство так и не поняли. Возвеличивая законодательную власть в немалой степени за счет исполнительной, они, даже подведя свою собственную к кризису, продолжили эту губительную для страны линию, согласившись вместо Совета Министров создать Кабинет Министров с еще большим ограничением его прав и полномочий. Но и Президент, и Верховный Совет СССР носились с идеей Кабинета как с панацеей от всех бед и невзгод, постигших страну на шестом году перестройки... Помоему, такое решение в конкретной обстановке того времени могло быть продиктовано лишь отчаянием, помноженным на обычно сопутствующую ему глупость, или прямой провокацией заинтересованных сил в их борьбе с государственной властью, что и произошло в дальнейшем.

И третье замечание: кризис власти, как правило, есть отражение кризиса в стране, одна из форм его проявления. Ну а что она быстро втягивалась во всеобщий кризис, уже было видно в то время невооруженным глазом. И когда давние, активные и целенаправленные усилия депутатов свалить на Правительство всю ответственность за кризис не привели к выходу из него, настала очередь Президента, а потом и их самих.

Итак, в этот день во многих выступлениях на сессии Верховного Совета звучало требование к традиционно отсутствующему Президенту: выступить перед депутатами и высказать свое мнение о положении в стране и о путях выхода из кризиса, если он такие пути видит.

Связавшись в перерыве с Горбачевым, Нишанов сообщил депутатам, что тот дал согласие выступить с докладом о положении в стране через два дня – 16 ноября. Ждать оставалось недолго. Другой вопрос – чего ждать?..

Не знаю, кто готовил Президенту доклад: в ту пору со мной он уже почти ни о чем не советовался, ни о каких своих планах не сообщал. Знаю лишь, что многие подразделения Совета Министров в те два дня в пожарном порядке готовили для президентского аппарата справки о положении с продовольствием, с топливом, с промышленными товарами... Доклад получился в худшем смысле этого слова традиционным, он напоминал отчет руководителя на партхозактиве: в целом все хорошо и совсем немножко плохо. Правда, некоторая нетрадиционность в докладе была: самобичевание в нем было поднято до уровня мазохизма. Ничего серьезного и продуманного, прочувствованного, наболевшего в нем, увы, не было. Такой доклад в совершенно новой, критической ситуации был просто позорным в интеллектуальном и политическом отношении: он показал, что Горбачев ничего не понял в сложившейся обстановке и решил снять проблему очередным приступом «словесоворения».

Реакция не заставила себя ждать: депутаты выступали резко, хлестко, не жалея Президента, как, впрочем, и Председателя Совета Министров. Ну я-то давненько был бревном в глазу, а может быть, еще чем-то или кем-то для всех тех, кто слово «Центр» считал последним ругательством. Тем не менее, время для его, Центра, окончательного уничтожения еще не пришло. Недаром Ельцин, взвалив на Совет Министров всю без остатка вину за положение

в стране, говорил все же осторожно: «Центр в прежнем своем виде явно стал дестабилизирующим, даже тормозящим фактором».

Вскоре, однако, выяснилось, что Центр и в любом ином виде лидерам разбегавшихся суверенных республик не нужен. Может быть, завтра или послезавтра и придут к ним здравомыслие и дальновидность, однако не поздно ли будет? Не пора ли всерьез сегодня прислушаться, наконец, к мнению подавляющей части населения бывших республик СССР, а ныне независимых государств, о необходимости создать новый Союз? Об этом говорит и тот факт, что двое из трех современных геростратов – Шушкевич и Кравчук – потерпели недавно сокрушительное поражение на президентских выборах в своих странах. По-видимому, не стоит этому удивляться. Люди в конечном итоге сумели разобраться, что их естественное стремление к расширению экономических и политических прав своих республик было ловко подменено сепаратизмом, обернулось вопреки воле народов СССР, выраженной на Всесоюзном референдуме, уничтожением могучего единого государства. О том же, как это сказалось на жизни практически всех трехсот миллионов бывших советских граждан, говорить особо не приходится: кроме узкого слоя нуворишей и уголовников каждый человек ежедневно испытывает это на себе.

Но вернемся к событиям четырехлетней давности. Надо отдать должное Горбачеву: он – политик с обостренным чувством личной опасности. Этого качества у него не отнять. Он быстро сообразил, что ситуация в Верховном Совете катастрофически выходит не только из-под контроля его и Лукьянова, но и вообще из-под какого-либо контроля.

Он же, Горбачев, по-прежнему считал себя судьбой обязанным держать руку, как говорится, на пульсе жизни, чтобы при любом повороте событий оставаться на вершине пирамиды власти. И на следующий же день утром он позвонил мне на работу из своего ЗИЛа и сообщил, что едет в Кремль на сессию и хочет выйти к депутатам с новыми радикальнейшими предложениями. Он не перечислял мне всего, сказал лишь о создании Кабинета Министров, подчиненного лично Президенту, вместо существующего по Конституции Совета Министров.

В принципе сногшибательной новостью для меня это не стало. В стране по активной инициативе самого Горбачева и с чуть менее активной депутатской поддержкой создавалась весьма дурацкая (другого слова не подберу) ситуация, когда возникли и, главное, действовали две исполнительные власти одновременно: президентская и правительственная. И там, и здесь рождались постановления, решения, а у Президента – и указы, зачастую вызывавшие у меня и моих заместителей полное недоумение. Более того, уж лично мне-то такое дублирование вообще боком выходило.

В тот последний год моего тяжелого премьерства во всех бедах и пагубах, мыслимых и немыслимых, виноват оказывался именно Рыжков со своим Совмином. И даже в неудачных, не воспринятых широкой общественностью и республиками многочисленных указах Президента тоже вольно было моим «доброжелателям» видеть руку того же вездесущего Рыжкова: мол, через Совет Министров порочное решение не желает проводить, так он его – через Президента. Пусть, дескать, отдувается глава государства.

Подобная двойственность в управлении страной, спекуляции на «демократическом» Президенте и «консервативном» Предсовмина не могли дальше продолжаться. Надо было и впрямь кардинально менять структуру исполнительной власти, но... Это треклятое «но»! За ним всегда спешит череда непростых вопросов.

Как менять? Кому менять? Какой быть исполнительной власти? Какие должны быть полномочия Центра и республик? В каком виде и в каком объеме?... Десятки вопросов, и на все мог ответить только Союзный договор, который в те дни готовился.

Без четкого определения структуры политических, экономических, культурных и других взаимоотношений мчащихся к полной «суверенизации» республик бессмысленно, вредно и опасно было устраивать в Центре чехарду власти. Так я считал, так и по сей день считаю. Так

же считали в те дни мои соратники и единомышленники. И, кстати, время, и весьма недолгое – восемь месяцев до августовских дней 91-го, показало, что я не ошибался.

Страна была на переправе: от унитарного мышления – к многообразию идей и взглядов, от безраздельного, по существу, господства государственной собственности – к различным ее формам, преимущественно от централизованного государственного управления – к максимально возможной политической и экономической свободе республик, от жесткой плановой экономики – к социально ориентированной рыночной, от вертикальных связей в хозяйствовании – к горизонтальным и т. д. В такой сложнейшей обстановке любые неосторожные, грубые изменения в структуре исполнительной власти чрезвычайно опасны. Но для некоторых политиков, а точнее – политиканов, это стало самоцелью: мол, давай все менять, независимо от издержек, лишь бы что-то делать или хотя бы создавать видимость какого-то движения.

Обо всем этом мы не раз говорили с Президентом: и на различных общих заседаниях, и, случалось, один на один. Я помню совещание у Горбачева, где обсуждался этот вопрос. Смысл моего выступления заключался в том, что нельзя иметь в стране две исполнительные власти. Существует альтернатива: или Президент берет на себя всю полноту этой власти и за все отвечает, или он должен иметь весьма ограниченные полномочия (по типу Президента ФРГ или английской королевы), передав всю полноту исполнительной власти Совету Министров. Но сделать это надо при подготовке нового союзного договора. Многие поддержали мои предложения, а Гавриил Попов в знак согласия уж очень активно кивал головой.

До недавних пор Президент разделял мое мнение, а в тот день, утром 17 ноября, перестал разделять. Бывает.

Вот почему я и заявил ему на его прозвучавшее из мчавшейся машины безлико-обтекаемое «Нельзя больше ждать, ситуация требует»:

– Вы – Президент. Вам решать. И только спросил вдогонку:

– Когда вы внесете свои радикальные предложения? Он ответил:

– Сейчас. Немедленно. И положил трубку. В Кремле все рядом. Я был на сессии раньше него.

Президент выступил первым – сразу после регистрации членов Верховного Совета. Потом его очень краткое выступление падкие на красоту газетчики назовут по-западному броско: «Восемь пунктов Горбачева».

Они включили в себя и расширение прав и функций Совета Федерации, и упразднение Президентского совета (который толком так и не заработал), и создание Совета безопасности. И еще некоей структуры по координации деятельности правоохранительных органов. И еще какой-то Контрольной палаты для того, чтобы следить за выполнением законов и указов.

Все это сопровождалось привычно пустыми барабанными словами об «упорядочении», «обеспечении», «сохранении», «взаимодействии», об обновлении Союза, скорейшем подписании Союзного договора и «тесном взаимодействии» Советов. О вице-президенте. Ну и, наконец, о создании Кабинета Министров, куда «должны войти новые, инициативные, по-современному мыслящие работники».

Причем особо было подчеркнуто, что все структуры при Президенте, включая Кабинет Министров, следует создать, «не откладывая, не дожидаясь подписания Союзного договора». Вот тебе и поддержка моих предложений! С кем он советовался в ту ночь? Только не со мной. Тайна сия велика есть.

И снова надо отдать Горбачеву должное: на этот раз говорил он горячо, убедительно. Более того: в отличие от своего вчерашнего доклада, предлагал депутатам, а за ними – стране конкретные, вроде бы, и, несомненно, броские меры, которые резко ломали давно сложившиеся и, на взгляд законодателей, не оправдавшие себя формы управления. Депутаты заждались именно таких решений, которые выходили бы за рамки привычных представлений и, кто знает, может быть, принесли бы хоть какой-то результат. И надо было по-настоящему знать нашу

малоповоротливую, медлительную Систему, чтобы отчетливо увидеть популистскую скороспелость и легко прогнозируемую безрезультатность его предложений.

Увы, депутаты таким знанием еще не обзавелись, не успели. Потому и приняли – в основном – все восемь пунктов «на ура».

Я тоже выступил в этот день.

Говорил о том, что давно наболело, – о целенаправленно и мощно ведущемся разрушении в стране единой политической системы и, как следствие, предательстве и гибели самой идеи перестройки.

Меры же, предложенные Президентом, поддержать не мог, не понимал и не принимал их. Горбачев знал мое мнение. А от слепого, рабского верноподданничества я всегда бежал как от чумы.

Да и бог с ними, с «радикальнейшими» горбачевскими пунктами – и без меня у них радетелей в избытке нашлось! Я же вновь твердил о главном, на мой взгляд:

«Хочу откровенно сказать: тот, кто сегодня выступает против общественного согласия, разжигает страсти, сеет недоверие, тот играет судьбой буквально миллионов людей, во имя своих личных амбиций берет на себя тяжелую ответственность перед народом. Неужели история, в том числе наша собственная, еще не всех научила, что подхлестывание страстей приводит к разрушению и насилию!»

Сейчас, со стороны глядя, понимаю: наивный крик. История – тот прекрасный, умный, но почему-то никем не почитаемый учитель, который не умеет и не хочет наказывать сразу. Он знает: придет время и ученик все сам поймет. Сам... Впрочем, если поймет. Довольно точно заметил Александр Галич: «Повторяется шепот, повторяем следы. Никого еще опыт не спасал от беды!»

Никого, верно. Тем более – чужой опыт...

Не могу, читая нынче газеты, смотря по телевизору «Вести» и «Новости», не вспомнить и не привести еще несколько слов из того же моего ноябрьского выступления:

«По существу, делается заявка на то, чтобы руководство России стало центром власти взамен всех ныне действующих государственных структур. Но согласятся ли с этим другие республики? Ведь, безусловно, эта деструктивная политика может привести к развалу государства, создававшегося столетиями».

Разве я ошибся?

Ни я, ни кто-либо из моих заместителей не хватался за свои кресла как за спасательные круги. Все мы прекрасно понимали, что жить Совету Министров в прежнем виде оставалось недолго. Мы были уверены, что Съезд народных депутатов, назначенный на 17 декабря, добьет существующее Правительство окончательно. И начнут беспощадно критиковать предшественников и множить новые, уже свои ошибки!

Тучи над правительством сгущались. Пошло широкомасштабное, хорошо продуманное наступление, как говорится, по всему фронту. Незадолго до того появившаяся программа «500 дней», о которой я расскажу дальше подробно, уже стала оружием леворадикалов в борьбе с Правительством.

В начале августа 1990 года у Президента состоялась встреча с экономистами и публицистами определенного толка. О ней, о ее содержании, как ни парадоксально, глава Правительства узнал из прессы. Но прошло всего два месяца после моего доклада о переходе на рыночные отношения, а участники встречи поспешили сделать выводы о том, что сторонники перестройки сталкиваются с огромной инерцией и противодействием переменам, что идет сплочение консервативных сил. Президент же считает, что прогрессивные силы должны выстоять, не допустить раскола в своих рядах, дабы не дать оружие консерваторам, и что наш тормоз – это боязнь рисковать...

Так через два месяца была проведена грань между теми, кто внес предложения по постепенному переходу на социально ориентированный рынок, и радикалами, которые «не боялись рисковать». Но чем? Своим положением, своей судьбой? Нет, они охотно рисковали судьбой государства, судьбой миллионов, которые очень скоро на себе испытали результаты их радикализма. Выступая, эти деятели горячо и страстно говорили об ужасных в нашей истории годах, когда действовал принцип «революционной целесообразности», которым оправдывались различные формы насилия над обществом, над людьми. Но ведь их радикализм – это тот же принцип, разве что с противоположным знаком, – принцип «контрреволюционной целесообразности»...

Я вспомнил об этом совещании, где было так много тех, чьи фамилии следует сохранить для истории: Бунич, Лацис, Шмелев, Селюнин, Бергер и другие, лишь потому, что они обрушили глыбы радикализма на наш народ, они готовили идейный плацдарм для будущих гайдаровских авантюристических действий, создавали общественный климат для них.

На мой взгляд, вполне четко подвел итоги Клямкин, сказавший, что политическое время Правительства исчерпано и цель собрания – продлить политическое время Президента. И когда сейчас экс-президент пытается критиковать существующее положение в России, ему бы следовало вспомнить, кто давал импульсы леворадикальным силам, талантливым в разрушении, но бездарным, как оказалось, в созидании.

Возвращаясь к тем тяжелым для Правительства дням, хочу сказать доброе слово в адрес моих коллег, которые знали уже о предстоящем уходе со своих постов. Где-то вскоре после 17 ноября собрались вечером за столом заседаний Совмина и разговорились по душам. Были: я, мои заместители, Павлов – тогда министр финансов, он по должности входил в состав Президиума Совмина, управляющий делами М.С. Шкабардня... Все, по-моему.

Кто-то начал первый: мол, Николай Иванович, Совет Министров не сегодня-завтра почит в бозе, это всем ясно. Как нам отнестись к тому формированию, что явится на смену? К Кабинету Министров, например... Отвернуться? Обидеться? Уйти? Это легче всего! Но ведь дело-то не в наших личных судьбах. Хотя и о них тоже приходится думать. Мы лично стали врагами тех, кто последовательно разваливает страну, а сегодня речь идет действительно о ее судьбе, о судьбе общего дела.

У меня спрашивали совета: как поступить. Это отнюдь не значит, что все мои соратники сами для себя не решили, кому как быть. Лыщу себя надеждой, что мое мнение было для них небезразличным: слишком много соли вместе съели. А я и не стал своего мнения скрывать.

Мостовой? Что ж, как ни грустно, но ему пришла пора уйти на пенсию, вряд ли он прижился бы в любой новой структуре. Догужиев? Он должен работать, если предложат. А не предложат – страна велика, дел много. Рябев? Ему с его знаниями проблем топливной энергетики вряд ли можно скоро найти адекватную замену. Абалкин? Он, помню, усмехнулся: уж я-то точно не останусь, займусь вплотную своим институтом, наконец. Маслюков? И он заявил: даже если предложат, не останусь, устал невероятно. Павлов? Пожалуй, горячее всех других убеждал: у меня есть куда отступить (он тогда был и президентом концерна «Деловой мир»), мне эти «игры в начальство» совсем не нужны... Ну а Рыжков? Вы-то как, Николай Иванович, спросили меня, вы-то останетесь, если попросят? Ответил коротко и безоговорочно: нет. Славно мы тогда поговорили, все друг про друга выяснили...

Да, кстати. Сразу после оглашения «восьми пунктов» Совет Министров попытался помочь президентской исполнительной власти. Мы посоветовались, поспорили и составили записку Горбачеву, в которой предложили свой вариант структуры Кабинета Министров, подчиняющегося непосредственно Президенту. Специально подчеркнули: «мы не руководствовались личными или политическими амбициями», но готовили свои предложения «исходя исключительно из чувства долга перед страной и народом, сознания своей гражданской ответственности за будущее Советского государства». Все вместе эту записку готовили, все вместе

и подписали. Никто не ушел в сторону. Отослали в аппарат Президента – и никакой реакции. Зная порядки, я убежден, что она была ему доложена.

Но ответа не дождались. Инициатива оказалась хоть и ненаказуемой, но абсолютно никому не нужной. Президент, как обычно, все знал сам и лучше всех.

А в первой декаде декабря мы встретились с Горбачевым один на один в его кабинете. Разговор тянулся вяло, наполнен был общими словами и общими местами – ни уму, ни сердцу. И тут я решительно сказал:

– Михаил Сергеевич, нам от этой темы не уйти, как бы больно ни было. Моя позиция вам отлично известна. И не только вам. До заключения Союзного договора менять что-либо в структуре исполнительной власти – бессмысленно и опасно. Что это может дать, кроме анархии и окончательного разброда? Вы, кстати, недавно сами говорили о недопустимости правительственного кризиса. Сейчас вы его допустили. Не знаю, понимаете ли вы трагические последствия скоропалительной ломки структуры государственной власти? Раз уж такое решение принято, то прошу на меня не рассчитывать. В этой игре я участвовать не стану.

Он ответил не сразу, через паузу, которая показалась раздражающе долгой:

– Ты окончательно решил?

– Да, – кивнул я, – куда окончательней.

Показалось или нет: он будто бы вздохнул облегченно. Сказал:

– Решил так решил... Но не волнуйся, без работы мы тебя не оставим.

Уж это меня в то время волновало меньше всего. Но, к слову, ни он, ни за ним пришедшие никакой работы мне так и не «оставили». Сам же я ни фонда, ни института, ни еще какой-либо экзотической структуры не создал – в отличие от него и некоторых других, которые, занимая ответственные государственные посты, организовывали, вместе с тем, для себя запасные плацдармы.

Полтора года я был без работы. А потом бывший глава Правительства вновь, как много лет назад, прошел через проходную одного из заводов... И если бы только я. Тяжело видеть многих министров и других руководителей, богатых знаниями и государственным опытом, которые для обеспечения минимальных жизненных потребностей вынуждены находить себе работу в различных структурах, где зачастую их огромный потенциал остается втуне.

17 декабря 1990 года в Кремле открылся Четвертый съезд народных депутатов СССР...

Здесь хочу сделать маленькое отступление под «оригинальным» названием «От съезда к съезду».

Май 1989 года. Первый съезд народных депутатов СССР. Демократические выборы Верховного Совета – старой по имени, но новой по сути структуры государственной власти. Выборы Председателя Верховного Совета. Утверждение Съездом кандидатуры Председателя Совета Министров СССР.

Март 1990 года. Выборы Президента, Председателя Верховного Совета СССР. Возникновение Совета Федерации, Президентского совета.

Декабрь 1990 года. Бесславная смерть Президентского совета. Возникновение Совета безопасности. Изменение функций Совета Федерации. Утверждение кандидатуры вице-президента. Ликвидация Совета Министров СССР. Появление Кабинета Министров.

Итак, за полтора года власть в стране была кардинально реорганизована трижды. Трижды рождались, умирали, видоизменялись ее многочисленные и, как быстро оказывалось, малоэффективные структуры.

Да какое же государство выдержит подобную круговерть?! Это надо иметь великолепно развитую экономику, абсолютно независимую от любых перемен власти, чтобы жить, не обращая внимания на политические кульбиты. Наша же экономика прямо-таки рассыпалась под тяжестью по существу неуправляемой политики.

Помнится, мне довелось присутствовать на встрече Горбачева с руководителями средств массовой информации. Так там он просто набросился на дерзких газетчиков, потребовавших от него обозначить четкую концепцию перестройки. Ее невозможно уложить в прокрустово ложе какой-либо концепции, яростно утверждал он. Ехидно вопрошал: если ноги будут с этого ложа торчать, значит – надо их отрезать?

В пылу реформаторского зуда было начисто забыто, что управлять – значит предвидеть. Теперь ясно, что первый и главный удар по перестройке своей неумелой, непродуманной, бесконцептуальной политикой нанес ее, перестройки, глашатай, «певший» к тому же с голоса своих столь же некомпетентных в деле, за которое они взялись, «прорабов», а скорее маляров, хорошо научившихся за свою жизнь без малейшего зазрения совести перекрашивать белое в черное и наоборот. Ну а если даже краской не удастся скрыть, что изделие запорото, то что с ним делают? Правильно – выбрасывают, что и произошло с перестройкой. Поднять действительно великое знамя, а затем самому бросить его на поругание – это ли не предательство поистине исторического масштаба?

Но – конец отступления. Вернемся к описываемым событиям. Третья стадия полугодового реформирования системы государственного управления была начата на заседании Съезда 25 декабря 1990 года. В этот день стали обсуждать вопросы ликвидации Совета Министров СССР и создания Кабинета Министров при Президенте. О нашей записке никто не вспомнил, а точнее, никто о ней и не знал. Было совершенно очевидно, что Кабинет Министров готовился как подручный аппарат Президента. У этого органа не было даже права законодательной инициативы, которое имело, скажем... общество филателистов.

В перерыве я прошел в комнату президиума, встретился там с умным человеком и хорошим поэтом Давидом Кугультиновым. Завязался разговор:

– Сейчас мы хоронили Совет Министров, которому в 91-м году исполнилось бы сто тридцать лет.

Откуда-то сзади возник Горбачев, поймал конец фразы, спросил:

– Ты о ком?

– О чем. О Совете Министров. Вы, Михаил Сергеевич, знаете, с какого времени он существует, вернее, существовал в стране?

– С какого? – на мгновение задумался Горбачев. – С Ленина, наверное...

– Не угадали. С Александра Второго Николаевича. С 1861 года. Здорово мы к такой дате подходим.

Вечером, после Съезда, прошло заседание Совета Федерации. Всех волновал 91-й год, состояние экономики страны. Верховные власти республик стремительно уводили их от Центра и друг от друга. На территории уже больного СССР шла беспощадная война финансов, война законов – центральных и республиканских. Рвались десятилетиями налаженные производственные связи.

Я поднимался дважды, говорил: никакие скороспелые новые законы и указы ничего не решат, надо выполнять принятые, подчиняться единым правилам экономической жизни страны, прекратить раздор республик с Центром. Оставить эти проблемы для нового Союзного договора.

Очень тяжелый был разговор. Он продолжился ночью уже со своими – в Совмине. После моей неутешительной информации все мы сделали вывод: страну окончательно и настойчиво загоняют в тупик...

Домой приехал где-то в начале первого ночи, ужинать не стал. Поговорили с женой, Людмилой Сергеевной. Лег почитать перед сном. Всегда на прикроватной тумбочке – стопка книг: обычно читаю три, четыре, а то и пять – какая под настроение в руки ляжет. В тот раз легла совсем крохотная: «Письма о добром и прекрасном» Дмитрия Сергеевича Лихачева, я к ней давненько примерялся. Легко вчитался, дошел до письма с простым названием «Самая боль-

шая ценность – жизнь», отметил строчки: «Душно бывает в доме, душно и в нравственной жизни»...

Отложил книгу, лежал с закрытыми глазами. С недоумением слушал, как неизвестно откуда беспощадно и грозно поднималась черная глухая боль, заполнила грудь, мощно зажала сердце, постепенно превратив его в хрупкий, беспомощный, разрывающийся от духоты комочек...

А под утро «скорая помощь» увезла меня в больницу.

В часы и дни неподвижности, когда все, на чем держалась моя бурная повседневная жизнь, отошло в сторону, когда сиюминутные страсти перестали довлеть надо мной, воспоминания заполнили меня целиком. Перед глазами чередой проносилась жизнь, ее взлеты и падения, радости и печали, дружба и предательство. Почему было так «душно» именно сейчас, после пятнадцати лет жизни в Москве и работы в высших эшелонах власти? Что же меня стесняло, что давило? Уж во всяком случае, не моя четвертьвековая работа на Уралмаше сменным мастером, начальником цеха, главным инженером, генеральным директором. Там все было пусть трудно, пусть не безоблачно, но удивительно счастливо. О том, что может быть так «душно», я тогда даже и не думал. Сейчас же духота и физическая, и нравственная давит, обволакивает меня со всех сторон. Мысли рассеиваются: то они сосредоточиваются вокруг непривычной для меня неподвижности, то вновь и вновь возвращают в удушливую атмосферу уходящего года...

Была она действительно удушливой – атмосфера измен и предательств, хитрости и лукавства, лицемерия тех, с кем шел рядом все последние годы. Те люди, которые еще вчера клялись в верности нашим общим идеалам, сегодня с садистским наслаждением растаптывали их, отрекались от своих прежних убеждений, вовремя перебегая в стан недавних противников.

Подхлестывая толпу популистскими лозунгами, заведомо не выполнимыми, эти люди громили Правительство, обвиняя его во всяческих грехах, повсеместно сеяли недоверие к его деятельности, убивали нас за верность нравственному долгу, за сохранение моральных принципов жизни. Ведь для того, чтобы убить человека в человеке, его вовсе не обязательно уничтожать физически.

Да, по-видимому, мир не может быть без таких людей, как добро – без зла. Верно сказал один известный российский поэт: «Друзей я сердцем выбирал, врагов судьба мне посылала».

И все же начало было иное.

Глава 2

Начало. Секретарь ЦК

В первых абзацах книги я обронил фразу: мол, истинным началом перестройки следует считать не апрель 1985 года, не тогдашний, вошедший в историю, Пленум ЦК КПСС, на котором Горбачев прочитал свой еще очень осторожный, но все же революционный по тем временам доклад. Вспомним далекий ноябрь 82-го, когда, тоже на Пленуме, выступил вновь избранный Генеральный секретарь Коммунистической партии Ю. В. Андропов с докладом, гладко сочиненным для Брежнева, который тот «озвучить» уже не успел. Юрий Владимирович же доклад точно и тонко скорректировал: дурак не заметит, а умный поймет. Андропов, как всегда, адресовался к умным.

Обронил я ту фразу, от нее не отказываюсь и постараюсь доказать ее правильность. Ситуация в стране к этому моменту была более чем сложной и в экономическом, и в морально-политическом отношениях. Не хочу претендовать на сомнительную роль самого умного, но тогда, на ноябрьском Пленуме, слушая привычные фразы словотворчества, все же легко ловил в докладе Андропова чрезвычайно близкие мне мысли. О необходимости ускорить работу по совершенствованию всей сферы руководства экономикой – управления, планирования, хозяйственного механизма; об увеличении самостоятельности промышленных предприятий, колхозов, совхозов; о решительности в борьбе с повальными нарушениями дисциплины.

И хотя мысли эти были втиснуты в традиционный, плохо перевариваемый казенный текст, они были услышаны, и не только мною, и вызвали некое чувство, которое я вольно определил бы как удивленное ожидание. Что-то не так, не по-прежнему! Да, точно. Что-то будет, что-то новое? Посмотрим, посмотрим... За минувшие годы мы все научились не верить словам сильных мира сего.

До того Пленума я работал в Госплане СССР, был первым заместителем председателя, занимался вопросами общей экономики. Начальствовал над сводными отделами, которые определяли развитие экономики страны, координировали и вырабатывали экономическую политику. Я прекрасно понимал всю серьезность положения, складывающегося в стране.

Что я мог сделать? Мой предшественник Виктор Дмитриевич Лебедев, человек опытный, однажды, не выдержав атмосферы официальной эйфории, написал подробную и честную записку (именно так: существовал и существует такой канцелярский жанр – записки, что на деле может означать и доклад, и статью, и справку), в которой честно проанализировал состояние экономики. Написал и отослал в ЦК.

Что потом было! На заседании Политбюро эту записку всячески чихвостили и обвиняли автора в грязной клевете на светлое настоящее. Досталось и Предсовмина, позволившему второму лицу из экономического штаба Правительства вот так «извращать» успехи в экономике. Учитывая очень осложнившиеся к тому времени отношения Косыгина со многими членами Политбюро, и особенно с Брежневым и Кириленко, я не исключаю того, что Алексей Николаевич действительно знал об этой записке и хотя бы таким образом пытался довести до ПБ (как для краткости называли этот орган неофициально) информацию о реальном положении дел в стране.

Странно, но место первого зампреда располагает, видимо, к такому экономическому инакомыслию. Попав на этот пост, рассмотрев, хотя и не сразу, всю картину народного хозяйства, я тоже стал высказывать крамольные для того времени мысли и невероятно быстро обрел союзников. Не скажу, что многих. Но даже с немногими было легче дышать и разрабатывать планы вывода страны из штопора.

Увы, малореальными и воздушными были эти планы, обсуждавшиеся на наших «тайных вечерах» в госплановских кабинетах. На грешной земле безраздельно царила Политика, которая полностью подчинила себе все и вся, включая и золушку-экономику.

И вдруг такие созвучные нашим мысли! И где – в первом же докладе нового Генсека!.. Было от чего впасть в состояние «удивленного ожидания».

Впрочем, мне-то лично следовало не полагаться на манну небесную, а делать конкретное и долгожданное дело. Его, кстати, Андропов мне и поручил.

А было так. В ноябре того, 1982 года прошло два Пленума ЦК. Тот, о котором я говорил, – очередной. Он был запланирован еще при Брежневе, и основной доклад, как я уже сказал, готовился для него. А десятью днями раньше прошел внеочередной Пленум ЦК КПСС, на котором после смерти Брежнева и был избран Генеральным секретарем Ю. В. Андропов.

В недолгом «междупленумье» – в воскресенье это случилось, часов в десять утра, – мне позвонили домой из приемной Черненко. Помощник просил срочно приехать.

Я заинтересовался:

– По какому делу? Может, надо взять с собой какие-то материалы?

Не понадобилось. Пришла машина, отвезла меня на Старую площадь к первому подъезду. Черненко обитал на главном – пятом этаже, где всего-то и было три рабочих кабинета: Генерального секретаря, второго человека в партии и... Хотел было написать: третьего, но никакого третьего не было. Официально и второго не существовало, но многие годы просидевший на этом этаже Сулов к официальному признанию и не стремился, просто сидел рядом с Генеральным и спокойно всем руководил.

По неписаной традиции в кабинет Сулова после его смерти сел сначала Андропов, а потом, когда он перебрался в бывший кабинет Брежнева, насиженное суловское «гнездо» занял Черненко. Кстати, позже в нем пришлось посидеть и Горбачеву, и Лигачеву. Третьим на пятом этаже был тогда А. П. Кириленко, а верней – оставался только его кабинет. Сам же он как-то незаметно ушел из активной жизни, с официальных трибун, даже портреты его исчезли.

Черненко мне даже сесть не предложил. Наоборот, сам встал и деловито сказал:

– Пойдем к Юрию Владимировичу.

Сказать, что я не очень соображал, зачем меня привели к Андропову, – значит мало что сказать. Но разговор пошел на знакомую тему, об экономике. И когда Андропов предложил мне описать ситуацию, в которой находилось народное хозяйство, то я, забыв о печальной судьбе моего предшественника по Госплану, выложил Генеральному секретарю все, о чем мы говорили на своих «тайных вечерах».

Не знал я, зачем это понадобилось Андропову. Помнил: через несколько дней – Пленум. Конечно, в докладе будет экономический раздел, и, естественно, новый Генсек обкатывает свои мысли с человеком, занимающимся общей экономикой страны. Так я думал в те минуты и стремился откровенно изложить ему свои соображения и взгляды на экономическую политику.

Сам же он очень внимательно слушал и задавал только короткие и точные вопросы, заставляя меня, как боксера на ринге, раскрываться и говорить, говорить... Уже потом я ближе познакомился с этой его довольно хитрой манерой – молчать, побуждая собеседника к монологам, быстрыми вопросами вытягивать из него нужное. Познакомился, привык и даже взял на вооружение, хотя андроповского мастерства в «вытягивании» так и не достиг. Кстати, я ведь до этого с Андроповым не был знаком. Видел его лишь в президиумах съездов и собраний да портреты на демонстрациях.

Вытянул он из меня что хотел и заявил:

– Мы намерены создать в Центральном Комитете Экономический отдел, руководить которым должен, по нашему мнению, Секретарь ЦК. Хотим предложить этот пост вам. Что скажете?

Отделов в ЦК в то время хватало с лихвой. Но большинство из них вели ту или иную отрасль народного хозяйства. Аналогичные структуры существовали и в Совете Министров. Я еще вернусь к «сложносочиненной» системе руководства народным хозяйством сразу с двух командных вышек. Партийная, конечно, в то время была повыше.

И ЦК, и Совмин раздирала ведомственность. Каждый отдел тащил одеяло на себя, в свой отраслевой огород, ибо сводного отдела ЦК, который формировал бы экономическую политику в целом, не было. Поскольку на руководящую роль партии тогда еще никто не посягал, то Андропов закономерно видел главный командный экономический пункт именно на партийной вышке. Да и я тогда другого себе не представлял.

Но предложение меня не просто удивило, оно ошеломило.

– Юрий Владимирович, помилуйте. Вы же, наверное, знакомились с моей биографией. Я производственник и экономист, а не партфункционер. Двадцать пять лет на заводе протрубил, три года в Министерстве тяжелого машиностроения – свое министерство, казалось бы, родное, а с какими муками я с завода уходил! Потом – Госплан, тоже не имеющий отношения к партийной деятельности пост... Нет, я не потяну, у меня нет никакого опыта партийной работы. Ни дня, ни часа...

– Вот и хорошо, – прервал меня Андропов, – именно такой человек нам и нужен. У вас другой опыт есть, школа, кругозор. Сами же перечисляли: завод, затем министерство, то есть вся отрасль, дальше – Госплан, то есть все народное хозяйство... Насколько я знаю, вы и в Госплане общими экономическими вопросами занимаетесь. Так что менять профессию мы не предлагаем. Если вам небезразлична судьба страны, народного хозяйства – а судя по нашему разговору небезразлична – соглашайтесь. Где еще вы сможете воплотить ваши замыслы в реальность?

Что верно, то верно – больше нигде. Повторяю: все командные пункты тогда располагались на Старой площади. Мне предлагалось занять один из важнейших. Это был шанс. Не для меня. Но для дела. Для страны.

И я согласился.

Кадровые проблемы решались молниеносно. 22 ноября 82-го года в своем коротком выступлении по оргвопросу Андропов проинформировал членов ЦК о том, что, поскольку экономике надо сейчас уделять особое внимание, Политбюро считает необходимым ввести должность Секретаря ЦК КПСС по экономике. И сразу же назвал мою фамилию. Пленум Андропова поддержал.

Сразу же после пленума я был назначен заведующим Экономическим отделом ЦК. Я навсегда запомнил этот пленум. Он повернул мою жизнь совершенно в иное русло. И не будь его, не известно еще, как сложилась бы моя дальнейшая судьба.

Потом были многочисленные устные и письменные поздравления. Я хранил телеграмму моих родителей – отца и ныне покойной мамы:

«Дорогой Николай, поздравляем тебя с избранием Секретарем ЦК КПСС. Большая ответственность легла на твои плечи, сынок, оправдай доверие народа, желаем тебе крепкого здоровья и больших успехов в работе. Целуем, обнимаем».

Простые труженики из шахтерского края, далекие от начальственных вершин и большой политики, говорили о доверии народа, потому что они и были им, тем народом, во имя кого и должны руководители страны, если они настоящие люди, жить и работать. «Верхи» и сейчас все действия «освящают» ссылками на народ, но как они далеки от него! Да и знают ли Гайдары и Чубайсы его вообще?

Поздравления, как и полагается, быстро отзвучали, и наступили рабочие будни. Непростыми они были уже потому, что Экономического отдела в аппарате ЦК не было никогда. Мне, в новом качестве, предстояло заниматься народнохозяйственной проблематикой в целом и разрабатывать принципы экономической политики.

Но, прежде всего, следовало привыкнуть к абсолютно новому для меня стилю жизни, который был принят на Старой площади. Хотя и пригласили меня как экономиста и производственника, но в чужой монастырь, в данном случае – партийный, со своим уставом идти – последнее дело. Позволю себе сделать небольшое отступление – «о чужом монастыре» и его десятилетиями выверенном «уставе». Для разрядки, как любит говаривать нынешний Президент России.

Цекисты – инструкторы, консультанты, заведующие секторами и даже отделами – были, в общем-то, отличными людьми, легкодоступными, сравнительно вольными в жизни, общительными или не очень – это только от характера зависело. Они не слишком кичились своим положением, то есть ничем особым от «нецекистов» не отличались.

Персоны же, занимавшие три высшие ступеньки партийной иерархической лестницы, являлись элитой. Сразу оговорюсь: ею делал их занимаемый пост. Хотя зачастую именно личные качества – и порой, что греха таить, не самые лучшие – выводили людей на эти ступеньки.

На верхней находились члены Политбюро. На средней – кандидаты в члены. И на третьей – секретари. Все было для них расписано раз и навсегда: кто с кем рядом сидит в президиумах, кто за кем выходит на трибуну Мавзолея, кто какое совещание проводит и кто на какой фотографии имеет право запечатлеться. Не говоря уже о том, кто какую дачу имеет, сколько телохранителей и какая автомашина кого обслуживает. Кто и когда установил этот железный порядок, мне не известно. Но не нарушается он и ныне: из ЦК и старого госаппарата ловко переполз в современные «коридоры власти», где и расцвел махровым цветом.

Конечно, мне, человеку вольному и легкому на подъем, был странен и даже смешон этот порядок. Помню, я спросил у Владимира Ивановича Долгих, которого и раньше неплохо знал: как, мол, у вас проходят праздники? Я пришел в секретари в ноябре, дело двигалось к Новому году... Как их отмечают, спросил я, где и с кем собираются, можно ли с женами? Долгих посмотрел на меня...

– Никто ни с кем не собирается, – сказал он. – Забудь об этом.

Любые отношения у «людей трех ступенек» за пределами рабочих кабинетов и коридоров никак не продолжались. Пусть даже дачи располагались забор в забор или квартиры на одной площадке – встречаться вне рабочего времени считалось – какое бы слово подобрать? – неприличным, что ли. Уж не знаю, как было до меня, как там Устинов, например, с Пельше раньше праздники отмечали, но при мне было именно так.

Знаете, а это страшно! Работа отнимала очень много времени, новых друзей завести было трудно, да и старых не хотелось растерять.

К счастью, у нас с женой друзей хватало, мы по-прежнему все праздники отмечали вместе с ними. А внеслужебные отношения с коллегами могли, по-видимому, расцениваться как попытки сговора. Сталинская подозрительность в высшем эшелоне власти на Старой площади окончательно так и не выветрилась. Может быть, это неизбежный атрибут любой высшей власти? По крайней мере, нынешняя такие сомнения лишь укрепляет.

Или охрана. Раньше, бывало, в субботу к вечеру я сбегал из своего кабинета в Госплане и бродил по букинистическим лавкам, с зятем мы регулярно заваливались на его «жигуленке» в Воронцовские бани, парились вволю... Ныне пришлось бы париться рядом с малозаметным сотрудником девятого управления КГБ... Но, честно, и их пожалуй стоило. Им платили не слишком большие деньги за то, чтобы они нас охраняли, и уж всыпали – по первое число, если вдруг они «теряли» нас. Так однажды было в начале моего секретарства. Мы с женой наивно решили тайно удрать с дачи и просто побродить по Москве. Как раньше. Что ж, уехать-то мы уехали, но уже на Успенском шоссе функции охраны тактично взяли на себя предупрежденные «девяткой» гаишники. Нам сразу стало скучно, вольное гулянье по Москве потеряло смысл.

В конце концов, я смирился с тем, что за мной обязан всегда кто-то следовать. Они – парни толковые, симпатичные, с некоторыми я и по сей день добрые отношения поддерживаю.

Зачем было их-то подставлять под служебные неприятности? Хотя радости такое сопровождение мне никогда не доставляло. Неуютно было жить, как в аквариуме...

Впрочем, это лишь отдельные штрихи из повседневного быта цеховского «монастыря» – и хватит об этом. Тем более что это в большей мере – игрушки для взрослых.

Так я думал тогда, так думаю и сейчас. К тому же все, о чем говорилось выше, относилось к двум десяткам человек. Ни зампреды Совмина, ни министры никакой охраны не имели. Сейчас же она, непомерно разросшаяся, демонстративно окружает вице-премьеров, министров, других персон из быстро меняющегося президентского окружения. То ли они все боятся народа, которым так «успешно» руководят, то ли охрана стала главным атрибутом престижности занимаемого поста, как, скажем, галстук для костюма чиновника. А скорее всего и то, и другое, и даже третье: средства массовой информации утверждают, что ныне начальник охраны Президента определяет маршрут движения не только его, но и... всей страны.

И снова вернемся в прошлое. В начале декабря 1982 года Андропов пригласил к себе меня и Горбачева. Тот был уже тогда членом Политбюро и одновременно Секретарем ЦК, вел сельское хозяйство.

– Внимательно перечитайте материалы Пленума, – сказал Андропов, – и определите круг проблем, по которым придется работать. Проблемы на сегодня, на завтра, на перспективу. Привлекайте кого сочтете нужным. И не теряйте времени, его у нас совсем нет. Михаил Сергеевич, не замыкайтесь только на сельском хозяйстве, поактивней подключайтесь к вопросам общей экономики. И работайте вместе!

Приказ получен: работать вместе. Приказы здесь обсуждению не подлежали. Так в конце 82-го нас и свела судьба в лице Андропова. Впереди лежал общий путь длиной в семь лет.

До тех пор я Горбачева знал не слишком хорошо. Бывало, сталкивались с ним на заседаниях Политбюро и Секретариата, когда мне приходилось замещать в Госплане Байбакова, на каких-то многолюдных совещаниях. Раз два, вряд ли больше, Горбачев приглашал меня к себе: уж не помню, что обсуждали, а если не помню, значит, ничего существенного.

Уже тогда я обратил внимание на его острое и целенаправленное желание как можно больше расширить круг своих интересов. Выходя за рамки проблем сельского хозяйства, он вторгся в область общей экономики и даже получал щелчки от старых членов Политбюро. Там не любили, когда кто-то проявлял излишнюю инициативу, выходил за пределы своей, ограниченной должностью, компетенции.

Видно, эту тягу Горбачева к экономическим проблемам и заметил Андропов. И тогда он взял дело в свои руки, сам подтолкнул его к этому. Юрий Владимирович старой школы был руководитель. А понятие «старая школа» чаще всего несет в себе начало хорошее, добротное, прочное, как и в этом случае: он просто подстегивал в подчиненных стремление знать больше, видеть больше, больше понимать. И активнее применять это в работе. Что касается Горбачева, то, полагаю, Андропов уже тогда исподволь готовил смену Черненко, который проблем народного хозяйства не знал вообще.

Позднее в средствах массовой информации, в воспоминаниях ближайших помощников Андропова стала усиленно муссироваться тема передачи им функций Генерального секретаря на период его болезни, которая может-де затянуться, Горбачеву. Ссылаются на якобы сделанную им приписку к тексту своего выступления на декабрьском (1983 года) Пленуме ЦК. Как известно, из-за болезни он не мог присутствовать на нем. Оно было роздано в письменном виде членам Центрального Комитета.

Но если что-то и было, то подобные вопросы не выходили за рамки «ядра» Политбюро, уж не говоря о секретарях ЦК. Я сильно сомневаюсь, что он не рассчитал последствий такого шага при еще имевших силу Устинове, Тихонове, Черненко, Гришине, да и Громыко в то время вряд ли поддержал бы это предложение. Ведь даже после смерти Андропова, во времена Чер-

ненко, когда Горбачев был вторым лицом в партии, так и не было официального поручения ему проводить заседания Политбюро в отсутствие Генсека. Об этом я еще расскажу.

Итак, мы начали. Ситуация в стране, повторю, и впрямь была сложной. Один только пример. В 1982 году, впервые после войны, остановился рост реальных доходов населения: статистика показала ноль процентов! Нужно было решать, что делать немедленно, какими путями, какими способами вести народное хозяйство дальше, как придать второе дыхание небезупречной, но и в то же время далеко не бесплодной советской экономике.

Ум хорошо, а два лучше. Нас с Горбачевым было как раз двое. Но для того, что предстояло сделать, требовались десятки умов – и теоретиков, и практиков. И множество людей на разных этапах помогало нам.

Забегая вперед, скажу, что с Горбачевым работать в то время было интересно. Он и впрямь тянулся знать больше, лез в малоизвестные ему аспекты экономики страны. Самоуверенный же его характер не позволял признаться, что он многого не знал или не понимал в народном хозяйстве.

И ведь прав был Андропов, сведя нас. Мы действительно дополняли друг друга: он знал территорию, территориальные единицы, хозяйственные связи – сказывался крайкомовский опыт. Я же знал промышленность, отраслевое и государственное планирование, производство. И, несмотря на естественные расхождения в частностях, в общем мы в то время были едины: в понимании проблем, в видении перспектив.

Сейчас уже прошло десять лет после смерти Ю. В. Андропова, но его личность и поныне привлекает внимание людей разных возрастов и профессий.

Большая часть вспоминает добрым словом этого быстро промелькнувшего на политическом небосклоне человека. Тогда ни один лидер партии не вызывал таких симпатий в народе, как он. До сих пор с каким-то удивлением думаешь о том, как может вызвать столько положительных эмоций руководитель, находясь во главе страны всего лишь 15 месяцев, из них работая только около года? Но он такие чувства вызвал.

Другая, меньшая часть, а это в основном бывшие ведущие партаппаратчики, не имея оснований для серьезной критики, все стрелы направляет на его деятельность в КГБ и перекосы в борьбе за установление в стране жесткой дисциплины.

Феномен Андропова, на мой взгляд, вызван тем, что к высшей власти пришел новый человек, во многом отличный от прежнего Генсека, который правил 18 лет (кстати, за это время поменялись пять американских президентов и шесть британских премьер-министров). Всем было видно, что это человек не брежневского склада. В эпоху Леонида Ильича люди устали от пустословия, показухи, двойной морали. Нужен был деловой, порядочный человек – и он появился.

Стиль работы самого Андропова, атмосфера в работе его аппарата в корне отличались от последних брежневских лет. Отрезвляющие же его слова: «Надо разобраться в обществе, в котором мы живем» и есть, на мой взгляд, фактическое начало «перестройки».

Андропов впервые после Ленина поставил вопрос о серьезном, принципиальном анализе пройденного обществом пути. «Надо нам трезво представлять, где мы находимся. Забегать вперед – значит выдвигать неосуществимые задачи; останавливаться только на достигнутом – значит не использовать все то, чем мы располагаем. Видеть это общество в реальной динамике, со всеми его возможностями и нуждами – вот что сейчас требуется».

Это слова из статьи Андропова, опубликованной в журнале «Коммунист». Их и сейчас невредно повторять на сон грядущий любому лидеру, особенно тому, кто непоколебимо уверен, что все на свете знает точно и непреложно.

Критики бывшего Генсека вменяют ему в вину перекосы в борьбе за дисциплину. Да, как всегда, перекосы были. Даже во время молитвы дураки лоб расшибают. Перекосы не только в этом деле (а я могу назвать десятки подобных примеров) явились следствием кампанейщины,

стремления как можно быстрее, досрочно выполнить то, на что нужны время и терпение. Но критики забывают, что именно он, невзирая на личности, жестко спрашивал за разрыв между словом и делом, за пустословие и славословие. И это относилось, прежде всего, к партийным функционерам, членам ЦК, хозяйственным и государственным руководителям.

Ставилась цель укрепления основ государственности, сильно расшатанных в предыдущие годы. Нельзя не оценить глубоко положительно начатую им крупномасштабную борьбу с коррупцией, мафией, теневой экономикой. В немалой степени и по этой причине, думается, в настоящее время все больше появляется у людей сожалений о раннем уходе Андропова из жизни.

Все его шаги и намерения наметили – без прошлой показухи и будущих фанфар – перспективу обновления общества. Эволюционные меры привели бы к кардинальным переменам в стране. Люди это оценили, и Юрий Владимирович остается в памяти людской незапятнанным.

Мне могут возразить: а работа в КГБ, а гонения на диссидентов? Да, эти 15 лет нельзя вычеркнуть из жизни Андропова. Уж такое это не самое прекраснотушное ведомство. Прочтите массу публикаций о работе американских ЦРУ и ФБР, британского МИ-6 и т. д., и станет ясно, зачем нужна была нам эта «фирма». Не нужно забывать, что он работал в этом ведомстве в самый разгар холодной войны, времени максимальной активности иностранных разведок. Что же касается диссидентов, то у меня часто возникает мысль, а не благодаря ли Андропову не развернулись в стране массовые репрессии? Может быть, именно в этом его заслуга? Ведь не надо забывать, насколько были нетерпимы к инакомыслящим его «патроны» в ЦК.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.